

Ненависть – лишь прелюдия к любви

Искры

18+

ЛЕНА СОКОЛ

Пожарная часть 17

Лена Сокол

Искры

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол Л.

Искры / Л. Сокол — «Эксмо», 2025 — (Пожарная часть 17)

ISBN 978-5-04-231578-7

Новинка популярного автора Лены Сокол! Долгожданное продолжение цикла о горячих пожарных. Под обложкой вас ждут тропы «от ненависти до любви» и «второй шанс». Ева — упрямая и своенравная. Она не уступит в силе ни одному мужчине и каждый день доказывает это на работе, ведь Ева одна из первых женщин-пожарных в стране. Данила — суровый и непреклонный пожарный дознаватель. А еще тот самый мужчина, который семь лет назад разбил Еве сердце. Теперь их сводит расследование пожара, в котором пострадал один из их близких. И чем сильнее они углубляются в работу, полную споров, взаимных претензий и остроумных перепалок, тем яснее становится: между ними рождается другое — искреннее и неожиданное чувство. Стоит лишь на миг ему поддаться — и разлетаются искры! «Ева и Данила — моя новая "римская империя". Героиня, которая никогда не отступает от цели, и мужчина, одного взгляда которого достаточно, чтобы в ее сердце вспыхнули искры, так долго подавляемые ею самой. Когда-то Ева добивалась его внимания, но жизнь — бумеранг, и теперь уже Дане предстоит взять инициативу в свои руки. Их объединяет общее дело — расследование и поиски таинственного поджигателя. Но вскоре они понимают: пожар не только вокруг, но и в их сердцах», — Саша Питерс, книжный блогер, @pitersisreading

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231578-7

© Сокол Л., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1. Ева	7
Глава 2. Данила	15
Глава 3. Ева	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лена Сокол Искры

© Сокол Е., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Линия расследования написана по мотивам реальных событий. Имена изменены, все совпадения случайны.

Посвящается всем девчонкам.

Верьте, что мы можем всё.

Давайте же ворвемся туда, где нас не ждали!

Глава 1. Ева

IOWA – Одно и то же

Про таких обычно говорят – мужик.

Или *мужичище*.

Есть в нем что-то такое... первобытное. Женщины при виде него испытывают головокружение, а мужчины на его фоне выглядят сущими детьми.

Короче, вы поняли. Брутальный, породистый, набитый под завязку тестостероном и уверенностью в себе самец. Несгибаемый, непробиваемый, немногословный. Скала!

Он никогда не улыбается – просто не умеет. Использует свой животный магнетизм как оружие. И ему не приходится тратить время на прелюдии – дамы, оказавшись в его объятиях, я уверена, тут же сами увлажняются до необходимого уровня.

Осознали масштаб личности? Тогда знакомьтесь – Данила Адамов.

Красавец, упрямый самовлюбленный осел и конченный подлец. Угораздило же влюбиться в него семь лет назад! Он был старше меня лет на пять, но казалось, будто между нами – целая пропасть.

В тот день, когда я увидела его впервые, в соседнем квартале случился пожар. Я примчалась туда на своем старом велике. Горела квартира в одной из старых высоток, черный дым вырывался из окон и вился столбом до самых небес. Все жители собрались во дворе и наблюдали за тем, как огнеборцы сражаются с пламенем.

Мой отец тогда руководил тушением. Я видела, как он отдает приказы подчиненным по рации, но решила держаться в сторонке: знала, что папа будет недоволен, увидев меня на месте пожара. Он всегда старался держать меня подальше от своей работы и от огня, а также от чужой беды, которая нередко встречалась пожарным на выездах.

Я заворуженно глядела на битву воды и пламени, а в памяти вихрем проносились картинки того дня, когда огонь лишил меня всего, что было дорого. Матери, дома, прошлой жизни. Казалось, будто стихия гипнотизирует, вытягивает из меня все силы. Пламя плясало диким зверем, взвивалось к небу и дразнило своим танцем. Оно словно манило меня к себе, предлагало сразиться.

А потом вдруг расступилось. Дым рассеялся, пропустив вперед темную фигуру: он появился из огня, точно супергерой – сильный, бесстрашный. В перемазанной сажей и копотью боевке, в черной шлем-каске и с дыхательной маской на лице. Пожарный шагал уверенно и широко. Он нес в руках спасенную старушку – так легко, будто та была невесомой, словно перышко. Бабулька прижималась к плечу спасителя щекой и о чем-то тихо причитала: наверное, ругалась, что он не позволил ей собрать и вынести из квартиры остатки вещей.

Может, в тот момент мое сердце и дрогнуло? Или чуть позже, когда он снял маску. Воспоминания уже размылись. Осталось лишь щемящее ощущение в груди, которое я запомнила навсегда. Вот передо мной его лицо, и время останавливается. Все предметы вокруг теряют краски, звуки затихают. Есть только он. Гребаный Данила Адамов – в тот момент почти как святой лик с иконы, такой божественный и далекий, и к нему так хочется прикоснуться.

А потом вжух – быстрая перемотка!

Все встает на свои места, и ты понимаешь, что ничего уже не будет как прежде. Этот парень запечатлелся в твоей памяти навсегда. Как клеймо, выжженное где-то глубоко в подсознании. Как заноза. Застарелая рана, что временами будет кровоточить, если ее разбередить.

Но тогда я не знала. Я была очарована им. Влюблена с первой секунды.

Боже... Глупая школьница!

И вот проходит семь долбанных лет. Воспоминания о том дне, как и о самом Даниле, чтоб ему икалось, Адамове, пыляться, заброшенные, где-то на дальней полке моего сознания, и вдруг происходит это. Он является мне в бреду. Точнее, в реальности, но лучше бы это было бредом, ведь я планировала забыть о нем навсегда!

Тяжелый выезд. Горит весь верхний этаж, пылают крыша и чердак многоэтажки, все небо над кварталом затянуто дымом. Пот застилает мне глаза, работать приходится буквально на ощупь. Кислород в баллонах у всего нашего пожарного звена на исходе. Мы почти справились, проливаем последнюю квартиру, но тут командир приказывает нам спуститься. Меняет нас на свежих бойцов.

Я вижу, как сменный расчет поднимается в здание. Оказавшись на улице, срываю маску и шлем, сплевываю на траву, вытираю пот грязным рукавом, выдыхаю... и вдруг это. *Мне мерещится, будто передо мной Адамов.* Вырывается из дыма этой своей уже знакомой супергеройской поступью. Что-то несет в руках. Или кого-то. Я зажмуриваюсь и снова распахиваю глаза. Видение не исчезает. Это точно Данила – повзрослевший, возмужавший еще сильнее (если это вообще возможно), с привлекательной растительностью на лице (чертова щетина, будь она проклята, как будто специально создана для его мужественного лица).

На весь двор кричит какая-то женщина, бросается к нему. С трудом до меня доходит, что она рыдает, умоляя спасти ее кота. «Ах вот что у него в руках!»

– Только не это, – бессильно выдыхаю я.

– Что? – оборачивается ко мне Илья, один из моих пожарных братьев.

– Жаль животинку, – качает головой Артём, мой напарник, устремив взгляд в эпицентр событий.

– *Только не он,* – говорю я, принимая из его рук бутылку и делая жадный глоток воды.

Конечно, мне жаль кота – он надышался угарным газом. Несчастные животные нередко становятся жертвами огня. Но сейчас я имею в виду Данилу – еще б лет сто его не видеть.

– Думаешь, у него получится? – хмыкает Илья, наблюдая, как Адамов на глазах у изумленной толпы проводит еле живому коту реанимационные мероприятия – пальцами надавливая на грудь, качает сердце и периодически вдыхает в его нос воздух.

– Гляди-ка, – удивляется Артём, заметив, как животное вдруг встрепенулось.

Кот задышал, открыл глаза и тряхнул головой. Данила передал его на руки рыдающей от счастья хозяйке. Толпа облегченно вздохнула.

– И почему это не крыса, застрявшая в канализации?

Я хмурюсь, заметив на себе удивленные взгляды сослуживцев. Я что, сказала это вслух? Вот же блин.

– Что? – отмахиваюсь я. Спешно отворачиваюсь, чтобы Адамов меня не заметил, и перехожу на сердитый шепот: – Это человек, из-за которого я пошла в академию и стала пожарной.

– Это плохо?

– Он сказал, что мне там не место!

– У-у-у-у... – дружно мычат они.

Видно, что друзья ждут подробностей, но я спешу к машине. Каждый раз, думая о Даниле, я представляла нашу встречу. Разумеется, это должно было произойти на службе. Он увидел бы меня в обмундировании, и от изумления у него отвисла бы челюсть.

«Женщинам не место в этой профессии!» – эти его слова мне не забыть. Они стали движущей силой, которая помогала мне добиваться все новых высот все последние годы. После него десятки мужчин говорили мне подобное, но их мнение совершенно меня не трогало. Я хотела утереть нос тому единственному, назло которому сделала карьеру в этой сфере! Спала и видела тот день, когда мы столкнемся лицом к лицу и Данила поймет, что проиграл!

Но вот он здесь – всего в паре-тройке метров от меня, и я сбегая. Мечтаю раствориться, исчезнуть, чтобы он не заметил моего присутствия. Потому, что так же, как и семь лет назад, я

теряю чертово самообладание рядом с ним. Превращаюсь в глупую малолетку, которая втрескалась в подчиненного своего отца и у которой нет ни единого шанса обратить на себя его внимание. Да что со мной не так?!

– Эй, а что, у нас шас в пожарные баб берут? – раздается чей-то голос из толпы.

Твою же мать. Как я это ненавижу...

Поднимаю взгляд. Толпа великовозрастных бездельников, всем немного за тридцать, с бутылками в руках – пришли поглазеть на пожар. Тот, что орал, уже в изрядном подпитии: стоит, пошатываясь и держась за плечо собутыльника. Улыбается во весь рот, в котором не хватает пары зубов. Наслаждается вниманием толпы, а его дружки, готовые в любой момент поддержать, жадно и восторженно ловят любые его слова.

Знаю я таких. Вожак местной кучки придурков. Первый парень на деревне. Мачо недоделанный. Как выпьет, жалуется, какие девки меркантильные пошли, а сам живет с мамкой на ее пенсию, рубится сутками в приставку и никак не может найти работу. Такие всегда громче всех орут, когда выпьют, и готовы с пеной у рта учить женщин, как им варить борщи, рожать детей и помалкивать, пока мужик говорит.

– У тебя что, ПМС? – орет он, взмахивая бутылкой. Его товарищи ржут. – Чо ты так вылупилась на меня?

Я сдерживаюсь из последних сил. Одарить его негодующим взглядом – максимум того, что можно себе позволить. Во-первых, даже если я ему наваляю, мозги это ему не вправит: женщина для таких в принципе существо второго сорта. Во-вторых, здесь куча народа. Если кто-то снимет нашу потасовку на телефон, это может дорого мне обойтись. Только дисциплинарных взысканий не хватало.

– Тебе бы успокоиться, приятель, – шагает вперед Артем, закрывая меня собой.

– Чего-о? – мычит мой обидчик недовольно.

– Заглохни, сказал, – бросает ему Илья, угрожающе расправляя плечи и вставая рядом с Артёмом.

Я не просила меня защищать. Могу и сама постоять за себя – не впервой. Но в груди почему-то разливается тепло. Мои ребята не допустят, чтобы мне пришлось защищаться, когда они рядом. И это чувство гасит весь внутренний протест.

– Я же попросил убрать отсюда всех лишних! – ворчит на полицейских из оцепления начальник нашей части Рустам Айдарович, заметив конфликт.

Они тут же реагируют: оттесняют придурков подальше – за сигнальную ленту. Но худшее уже произошло. *Данила Адамов тоже меня заметил.* Я ловлю на себе его взгляд, и у меня падает сердце.

Что? Что он думает?

Желание прочесть его мысли в этот момент заполняет все мое сознание. Вижу, как он хмурит лоб, затем в его светлых глазах вспыхивает блеском осознание – он меня *узнал*. Его ноздри раздуваются, рот удивленно приоткрывается (о, эти губы...), кадык дергается и...

И ничего.

Короткий миг, на который прошлое врывается в настоящее и выбивает землю из-под ног. Данила кивает мне в знак приветствия, я тоже отвечаю коротким кивком. И все. Мы расходимся в разные стороны, но такое ощущение, будто ничего уже не будет, как прежде. Моя сила потеряна, броня разрушена, и я снова ощущаю себя уязвимой.

– Корова! – зло бросает мне подвыпивший придурок с бутылкой, которого полицейские заставили вместе с друзьями отойти за ленту.

Ядвигаюсь к машине нетвердой походкой. У меня перехватывает горло, руки трясутся, ладони потеют, словно от адского пламени, а щеки горят.

Черт. *Черт!*

* * *

Мир пожарных и спасателей – это мужской клуб, где женщин не воспринимают всерьез. Да, девчонки могут дистанционно участвовать в ликвидации огня: они трудятся у нас диспетчерами и психологами или, например, присоединяются к добровольным дружинам в чрезвычайных ситуациях (чаще всего в качестве водителя или «на насос» – контролировать подачу воды). Но никто не допустит их к тушению пожаров на службе. Даже трудовой кодекс запрещает использовать женский труд в опасных профессиях.

Я – исключение. Настоящая девушка-пожарный. На полную ставку. Выпускница единственной в своем роде экспериментальной группы, созданной по поручению самого главы министерства. Не знаю уж, что там тогда на него нашло, но он решил обучить и устроить на службу аж восемь девиц. И мы одни такие в своем роде. На всю страну. Избранные. «Поцелованные огнем» – как любят шутить мои сокурсницы.

И нам до сих пор тычут пальцами в спину, о нас шепчутся и провожают оценивающими взглядами. Мы круглый год под пристальным наблюдением всевозможных комиссий, как будто они только и ждут, что одна из нас оступится и можно будет признать эксперимент неудавшимся. Но хрена с два я дам им такой повод! Ясно? И ни одна из моих боевых подруг, несущих службу в разных уголках страны, тоже не подведет – мы знали, зачем идем в пожарные, прошли через многое ради этой мечты, и я уверена в каждой из них, как в самой себе.

Самое смешное в том, что женщине, получившей образование в академии, формально можно руководить тушением пожаров. Даже если она физически никогда не приближалась к огню. А выезжать на тушение в составе пожарного расчета – нельзя. И таких парадоксов море. Например, к нам не берут с татуировками, но если уже служишь, то никто не запретит тебе забить хоть половину тела. Однажды к нам с проверкой явилась инспектор: в короткой юбке и здоровенными тату на ляжках. Многие восприняли это как сигнал к действию: руководство теперь более лояльно и границы допустимого стали шире.

Так что вот. Согласно правилам, на службу нельзя пирсинг, татуировки, бороду, длинные волосы, а еще *девушек-пожарных*. Ха-ха.

Но отставим шутки в сторону и подытожим.

Меня зовут Ева, я – пожарный, и для меня каждый день на службе как вызов. Я не спорю с командой и начальством, а ежеминутно доказываю делом, что могу все, ведь результат громче любых слов. Ребята из моего расчета доверяют мне свои жизни, и на меня всегда можно положиться. Слабый пол – это прогоревшие доски, а я делаю все, чтобы о другом толковании мои коллеги даже не вспоминали.

– Пардоньте, пацаны! – врываюсь я в душевую на втором этаже нашей пожарной части, где с десяток голых мужиков принимают душ. – Забыла «крабик».

Под их неодобрительный гул пробираюсь к дальней стене и беру заколку, которую оставила на полочке рядом с мылом несколько минут назад.

– Ой, развонялись! – отмахиваюсь я, возвращаясь к выходу и даже не пытаюсь делать вид, что не смотрю на них. – Прекратите! Видала и повнушительнее, и потолще!

Они ржут, и в меня летят брызги воды и пена.

Спешу скрыться за дверью, пока сухая сменная одежда не промокла. Усмехаюсь. И чего я там не видела? Парни всегда уступают мне душевую, так что я принимаю душ первой и в гордом одиночестве, но потом-то – в раздевалке – никто из них не жалеет моих чувств: переодеваются, не особо пряча то, чем наградила природа! Знаете, чего мне стоит держать себя в руках и не пилиться? А я, между прочим, девушка свободная, без отношений.

Но служба есть служба, и для меня эти парни – табу. Никаких интрижек на работе. Я здесь бесполое существо. У меня не бывает ни ПМС, ни месячных, и на смене все мои женские признаки остаются за скобками. Даже в самые неприятные дни я не прошу скидок на самочувствие.

– Как дела? – спрашивает у меня Лев Царев, старший пожарный второго звена, когда я появляюсь в кухне-столовой.

– Лучше всех, – усмехаюсь я, направляясь к холодильнику.

– Чего они там так расшумелись в душевой? – интересуется он, устраиваясь удобнее в кресле.

– Нежные такие! Я всего лишь вошла, чтобы забрать заколку для волос!

– Ну, жди, теперь они будут мстить.

– Я взрослая девочка и могу за себя постоять, – подмигиваю я ему. – Лучше скажи, как там Сашка? Справляется с малой?

Саша Золотова, жена Льва, трудится в нашей части диспетчером. Сейчас она в отпуске по уходу за новорожденной малышкой: чуть больше месяца назад у них родилась дочь Валерия. Все это время мы не виделись, и я, честно говоря, уже соскучилась по ней и другим своим подругам из нашей компании – Лере Балабиной по прозвищу Балабоса и Даше Краевой.

До их появления в моей жизни я искренне считала себя пацанкой, у которой не может быть подруг-девчонок. Хотя пацанкой в полном смысле слова я никогда не была, просто быстрее сходилась с мальчишками. И все детство была окружена ими – особенно в пожарной части отца, где толпы парней ежегодно обучались на подготовительных спортивных спецкурсах.

– Все отлично, но спать мы точно стали меньше, – качает головой Лев. – Младенцам все время нужно внимание. Приходи, сама увидишь.

– Я с радостью, – отвечаю, продолжая внимательно разглядывать содержимое холодильника и хмуриться. – Эй, а где моя кола?

– Что, опять пропала? – с усмешкой спрашивает Кирилл, входя в столовую. Здесь все зовут этого парня Соло.

– Не могу поверить своим глазам. Я утром поставила ее вот сюда! А теперь тут пусто.

– Похоже, воришка совсем тебя не боится. Который раз он уводит твою колу у тебя из-под носа?

– Четвертый, – рычу я, закрыв дверцу и навалившись на нее спиной.

– Кажется, он нарывается, – хохочет Лев.

– Или флиртует, – предполагает Кирилл.

Они переглядываются.

– Он явно не с той связался, – говорю я. – Хочет войны, получит ее.

Парни смеются. Видимо, моя воинственность выглядит для них забавно. Но мне не до шуток: правила есть правила. Мы скидываемся на продукты и готовим все вместе, но в холодильнике всегда кто-то хранит подписанные вкусняшки. И я терпеть не могу, когда кто-то лишает меня послеобеденной дозы сахара, на которой я планировала продержаться до вечера.

– Эй, принцесса, а что с лицом? – появляется в столовой Илья.

Волосы еще влажные, щеки румяные после душа.

– Все в порядке, просто в части завелась крыса, – отвечаю я, сев за стол и взяв из корзинки леденец.

– Крыса? Где? – следом за ним входит Артём. – Ненавижу этих тварей!

Эти двое – местные Биба и Боба. Неразлучные друзья. Или, как зовут их в части, – *близнецы*. Абсолютно разные внешне, но копирующие повадки, мимику и даже голос друг друга. А как иначе, если ты неразлучен с другом и на службе, и вне ее? Одно время нас с ними пытались звать тройняшками, но я быстро отучила. Хотя было забавно, и мне даже немного нравилось.

– Какая-то падла свистнула мою колу, – говорю я, прищурившись. – Опять.

Они заговорщически переглядываются и тут же попадают под подозрение.

– Я не брал!

– А я даже не видел ее! – отрешиваются они практически одновременно.

– Верю, – протягиваю я ехидно. – Тем более что на нее было наложено заклятье.

Глаза Артёма расширяются, Илья бледнеет. Они что, ее на двоих распили?

– У того, кто взял ее без спроса, в самый ответственный момент... не встанет!

Илья ахает, в глазах Артёма разрастается паника.

– Жестоко, – хихикает Соло.

– Ладно, шучу, – признаюсь я, отправив леденец в рот.

И продолжаю наблюдать за их реакцией. Близнецы явно испытывают облегчение. Правду говорят, что мужики – это дети, которые никогда не повзрослеют. Вот и они, точно нашкодившие второклашки, озадаченно чешут лбы и старательно изображают беззаботные улыбки.

– Сделать тебе кофейку? – спрашивает меня Илья, направляясь к кофемашине.

– Ну, сделай, – киваю я, позволяя ему загладить вину.

Никто здесь не принимает его заботу обо мне за ухаживания. Илюха сам никогда не признается, но все давно в курсе, что он без ума от нашего психолога Веры. Наша часть закреплена за ней, и девушка приезжает сюда несколько раз в неделю, чтобы общаться с ребятами и помогать им преодолевать сложные ситуации, которые нередко возникают на службе. Она милая, симпатичная и добрая, так что я его выбор одобряю.

– Будешь пирожное? – предлагает Артём, метнувшись к холодильнику.

– Э...

– Оно, вообще-то, мое, – подает голос Андрей, командир второго звена пожарных, до этого делавший вид, что дремлет в кресле у окна.

– Правда? – искренне удивляется Артём.

– Да, – отзывается тот. – Но, Евка, можешь съесть, если хочешь. Жена посадила меня на диету, заставляет считать калории.

– Ого, и как ты согласился на это? – спрашивает Илья.

– Я ем все, что она запретила, только на работе. С утра, например, заточил бургер, а в обед шоколадное печенье.

– Аха-ха, красавчик!

– Хитрый лис, – смеюсь я. – Ладно, поддержу твою супругу и избавлю тебя от пирожного. Тёма, носи его сюда!

Через мгновение передо мной стоят блюдце с глазированным пирожным и чашка ароматного кофе. Я беру ложку, подношу ее к десерту и вдруг понимаю, что на меня пристально смотрят с обеих сторон.

– Что? – выдыхаю я, по очереди обеда подозрительным взглядом севших рядом Артёма и Илью.

Соло, будто чувствуя, что грядет интересный разговор, садится за стол – прямо напротив меня. Лев, повторяя за ними, тоже придвигается ближе.

– Да что-о? – стону я. – Могу я поесть так, чтобы вы не пялились мне в рот?

– Я сейчас лопну от любопытства, – признается Илья, едва не подпрыгивая на стуле от нетерпения. – Рассказывай!

– О чем? – теряюсь я.

У меня по спине будто побежали пауки. Догадываюсь, что или кого они имеют в виду, и лихорадочно соображаю, как бы избежать этого разговора.

– Мы все хотим знать, – ерзает на стуле Артём.

– Ни черта не понимаю, о чем речь, но мне тоже жутко интересно! – подхватывает Соло, потирая ладони.

– Да, блин, – качаю я головой. – Не понимаю, чего вы хотите.

– Все ты понимаешь, – толкает меня локтем Илюха. – Колись, что там у тебя с мистером «я-вдохну-жизнь-в-кота»!

– Господином «у-меня-борода-ты-скажешь-мне-да»! – подначивает Артём.

– С мистером «я-не-огонь-я-пожар», – не унимается Илья.

Я чувствую, как жар поднимается по моей шее и заливает все лицо. Сглатываю, растерянно пожимаю плечами.

– Ну...

– О ком речь? – встревает в разговор Лев. – Что я пропустил?

– Сегодня на выезде! – выпаливает Артём.

И они наперебой начинают рассказывать старшему пожарному о моей встрече с Адамовым. Я закатываю глаза – особенно когда они начинают приукрашивать подробности произошедшего, называя Данилу «несгораемым», «крутым» и «потрясным». И, шумно выдохнув, качая головой, показывая, что они сильно преувеличивают его крутость. А потом не выдерживаю:

– Хватит.

Близнецы замолкают, уставившись на меня.

– Хватит, все было совсем не так. И он не такой. Вы описываете Данилу как какого-то сверхчеловека, а он вообще... из этих... ну... особо «одаренных». Тупой козел, короче!

– Так значит «Данила»? – играет бровями Соло, ощутив интерес.

– Да. Данила Адамов, – говорю я, пожав плечами. Миссия «выглядеть так, будто мне на него плевать», очевидно, провалена. – Судя по форме, теперь пожарный дознаватель. Раньше служил под руководством Петровича и не отличался особой покладистостью. Наверное, поэтому и пошел в дознание, на тушения силенок не хватало...

– У-у-у-у! – хором взывают парни.

– Что-о? – еще сильнее краснею я.

– Адамов, значит? – усмехается Лев.

– Ну, да.

– Ева и... Адамов?

– Э...

– Адамов и Ева? – еще громче произносит он.

Все присутствующие за столом снова многозначительно шумят: кто-то свистит, другие хлопают в ладоши и смеются. Сидеть перед ними с каменным лицом становится все труднее.

– Свалите к черту и дайте мне съесть мое пирожное! – сердито рычу я, из последних сил делая вид, что игнорирую их усмешки.

– Расскажи! Расскажи! – скандируют близнецы.

Мне хочется заткнуть уши. Или вломить каждому из них по очереди. Но даже так они вряд ли отстанут.

– Нечего рассказывать. Все уже в прошлом, – тихо говорю я.

– Ты спала с ним?

– Вы встречались?

– Если бы, – вздыхаю, пожав плечами.

– Это ответ на первый вопрос? Или на второй? – решает уточнить Артём.

– На оба сразу, – я обвожу их взглядом. – Не было у нас ничего!

– И ты явно жалеешь.

– Я призналась ему в любви, а Данила разбил мне сердце. Он меня отверг, – я всплескиваю руками. – Конец истории!

– Мне нужен кофе, – восклицает Соло, резко вставая из-за стола.

– И мне, – следует его примеру Артём.

– Нам всем нужен кофе, – соглашается Илья. – Похоже, рассказ будет длинным.

– Какой рассказ? Я не собираюсь ничего вам рассказывать! – стону я, наблюдая, как они толпятся возле кофемашины с кружками. – Эй! Я сказала, что...

Но все бесполезно.

– Не начинай, пока мы не вернемся! – бросает Соло.

– Крепись, – похлопывает меня по плечу Лев, тепло улыбнувшись. – Они те еще сплетницы, им твои рассказы даже пирожными заедать не надо.

– Пошел ты! – сказала я, и все заржали.

Я бессильно роняю лицо в ладони.

Глава 2. Данила

PIZZA – Оружие

Пожар – это пазл из тысячи деталей. Пепелище – примерно пятая часть головоломки, из которой нужно сложить картину, чтобы можно было разгадать остальное. В этом и состоит моя работа.

Обывателю кажется, что огонь уничтожает абсолютно все на своем пути. На это же надеются и поджигатели. Но они ошибаются. И моя задача – каждый день опровергать их убеждения.

– Старший дознаватель, майор внутренней службы Адамов, – представляюсь я шокированному мужчине, сидящему на бордюре напротив догорающего деревянного дома. – Даниил Сергеевич.

– Ага... – мычит он, устремив взгляд на дым, поднимающийся к небу.

– Вы хозяин строения?

– Нет. Это... это дом моего соседа, он умер три года назад. Наследников нет, пустует.

– То есть никто здесь не проживает?

– Нет. – Он вздыхает и облизывает пересохшие губы. – Бомжи, бывает, ночуют. Но мы их гоняем. Чтобы не... не случилось чего, – мужчина качает головой. – Черт, я же видел, как один из них вчера тут терся! Прикрикнул на него. А если он вернулся и...

Он морщится. Ему неприятно думать о том, что кто-то мог пострадать. К счастью, огонь не успел перекинуться на соседние строения, иначе жертв могло бы быть значительно больше.

– Может быть, вы заметили что-то еще перед пожаром?

Пока он рассказывает, я детально все записываю. Опросить свидетелей и потерпевших прямо на месте невероятно важно. На эмоциях люди обычно не утаивают правду. Уже позже, когда чувства поулягутся, а мысли придут в порядок, они начинают менять показания, чтобы выпутаться из неприятностей самому или выгородить близких, что затрудняет расследование. Поэтому я всегда стараюсь собирать сведения по горячим следам.

– Обнаружен «пакет», – докладывает мне один из пожарных, прерывая опрос свидетеля. – Заканчиваем проливку, потом можешь заходить.

Я киваю.

– Спасибо.

– *Пакет*? – оживляется свидетель.

– Может быть, вы видели возле дома кого-то еще? – спрашиваю я, игнорируя его вопрос.

Мужу не зачем знать, что словом «пакет» пожарные и диспетчеры иногда обозначают труп, найденный на пожаре. Бывалые могут выразиться еще циничнее и хлеще – например, «шашлык». Но это точно не для ушей посторонних, ведь подобный сленг может шокировать. И дело не в том, что нам плевать на человеческие жизни – это не так. К нашей работе никогда не привыкнуть, особенно когда дело касается пострадавших детей. Просто со временем мы закаляемся. Учимся отвлекаться от чужих бед, спасаемся черным юмором, а иначе недолго и сойти с ума.

– Мне показалось, это парень, – вспоминает свидетель. – Худой такой, в черном худи. Капюшон на пол-лица. И самокат! Да. Самокат! – оживился мужик. – Он его из кустов подобрал и поехал: вон, туда, вниз по улице.

Я киваю, продолжая записывать. Уже двое видели подростка на месте пожара, а значит, это вряд ли просто совпадение. Мы имеем дело с серийным поджигателем. И мысль об этом заставляет меня поежиться.

– Данила Сергеич, – жмет мне руку, сняв краги, командир пожарного звена, когда я, закончив опрос, подхожу к пепелищу.

На мне боевка, шлем и специальные сапоги с металлическими вставками на подошвах, чтобы не наступить на гвоздь, что нередко случается на местах осмотров. В руке – оранжевый криминалистический чемоданчик, настоящая переносная экспертно-криминалистическая лаборатория, в которой собрано все необходимое: от совка (чтобы собирать золу и угли для исследований) до сложных приборов типа газоанализатора (улавливает в воздухе следы легко воспламеняющихся жидкостей) и пирометра (измеряет температуру поверхности обгоревших стен, предметов и вещей). В общем, чувствую себя практически Шерлоком, только таких, как я, у нас зовут *Лопатой* – из-за того, что нам приходится копаться в углях и пепле в поисках улики. Не слишком поэтично, да? Но как есть.

– Привет, – говорю я командиру. – Чем обрадуешь?

Его зовут Павлом, и он из той же части, в которой я начинал и где базируются наш офис и испытательно-пожарная лаборатория. Мы ждем, что нас перевезут в помещение побольше уже года три – с тех пор, как я перевелся в дознание и поступил на службу в этот сектор. Места крайне мало, поэтому мне приходится довольствоваться камеркой два на три метра: все эти годы я подозреваю, что когда-то в этом помещении был туалет, настолько там тесно. А вот персонал пожарной части, с которым мы контактируем практически ежедневно, на редкость душевный. Я всегда рад их видеть, когда мы выезжаем на одни и те же объекты.

– В жилой комнате на полу, – с сожалением сообщает Павел. – Мужчина. Обгорел не сильно, поэтому смею предположить, ему лет шестьдесят. Не удивлюсь, если эксперт поставит гипоксию и ацидоз. Скорее всего, завалился переночевать в брошенном доме и уснул пьяный.

– Что-то часто стали гореть бесхозные дома в районе, – замечаю я, оглядывая сгоревшее здание.

– Думаешь о том же, что и я?

– Он начинал с мусорных баков, затем перешел на сараи. Теперь ему и этого недостаточно.

– Повышает градус, – кивает Павел.

– Хорошо, я доложу, – я снова жму ему руку. – Спасибо.

Достаю фонарик и направляюсь к дому, откуда только что вышли пожарные. Устойчивый запах сгоревшего тела ощущается уже на расстоянии, его ни с чем не перепутать. И пресловутый «шашлык» в качестве сравнения тут совершенно ни к месту. Едкая вонь с примесью тошнотворной гнили, сладости, металла, серы и мускуса. Запах смерти. Его невозможно забыть, он будто остается в носу навсегда.

Я двигаюсь медленно, осматриваю каждый метр пространства. Пытаюсь мысленно воссоздать обстановку до происшествия. Моя задача – определить, когда и где возникло первоначальное возгорание, установить, с какой скоростью распространялось горение, выяснить, какова была температура нагрева, и самое главное: определить его причину – техническую или человеческий фактор. Даже если у меня есть твердые догадки, я обязан рассмотреть все возможные версии.

Наклоняюсь над трупом. Погибший лежит в позе эмбриона. Вскрытие назначит следователь из МВД, но я предварительно согласен с версией Павла. Скорее всего, это бомж. Тонкий матрас под ним обгорел, личных вещей немного – рюкзак с ними неплохо сохранился, выглядит неопрятно. Окурков рядом с телом я не нахожу, собираю другие улики, беру образцы копоти, работаю с «пожарным мусором» (всем, что попадает на пути, аккуратно разбираю его до напольного покрытия), пытаюсь установить место наиболее интенсивного горения и степень повреждения конструкций.

Обнаружив под разбитым окном на кухне следы легковоспламеняющихся жидкостей, которые могли быть использованы для поджога, я собираю образцы для экспертизы и состав-

ляю протокол. Тот, кто сделал это, прокрался в сад и швырнул в окно зажигательное устройство. Он мог и не знать, что в доме кто-то есть. Но это не освобождает его от ответственности.

– Кем бы ты ни был, – тихо говорю я, аккуратно складывая в пакет для улик осколки стекла, – теперь ты еще и убийца.

Выпрямляюсь во весь рост и вижу, как к дому подъезжает следственная группа.

* * *

Только вечером, сидя в машине на парковке у ресторана, я возвращаюсь мыслями к утреннему вызову. Обычно мы выезжаем на происшествие одновременно с пожарными расчетами. Важно с самых первых минут оценить ситуацию, сделать выводы о скорости и направлении распространения огня, опросить свидетелей и потерпевших. Но нередко бывает так, что возгорание масштабное, не хватает рабочих рук, и приходится помогать огнеборцам выводить людей из горящего здания, обходить квартиры, информировать жильцов об эвакуации или подниматься по пожарной лестнице и принимать пострадавших.

Так случилось и в это утро. Зарево вспыхнуло на верхних этажах многоквартирного дома, озарив весь район, и пламя очень быстро стало распространяться вниз, на другие этажи. К моменту моего приезда во дворе собралось порядка шести машин, и тушение велось уже активно. Черт бы побрал ту бабульку с ее котом: мне не следовало входить в подъезд без дыхательного аппарата, но старушка так рыдала, что у меня дрогнуло сердце. Ее эвакуировали со второго этажа, и в панике она не смогла отыскать своего любимого питомца. Только полный безумец отправился бы туда на поиски животного, но, видимо, я он и есть.

Мне несказанно повезло выйти оттуда живым. Коту – еще больше. Я сам не верил, что получится его откачать, но ведь вышло. И вроде ничего особенного: пренебрег в очередной раз инструкциями, зато спас животное, я в порядке, бабулька плачет от радости, и все счастливы, но... ровно до того момента, как эту радость не выбивает у меня из груди появление Вольской.

Она возникает точно мираж. Я сначала упорно отказываюсь верить своим глазам. Нет, это не может быть Ева. Черная от сажи боевка, в руках закопченная шлем-каска, грубые сапоги – все то, что никак не вяжется с нежным девичьим лицом и хрупкой фигуркой. И эта ее коса, царственно возлегающая на плече (настоящее проклятье – знать, как она превращается в жидкий черный колдовской шелк, когда Ева распускает волосы). Резкое осознание этого перекрывает доступ кислорода к моему мозгу и моментально иссушает горло.

В последний раз, когда я ее видел, она готовилась к поступлению в вуз. Эта девчонка сводила меня с ума – своим присутствием, своими взглядами, своими колкими словами и дерзкими намеками. Но она была для меня совершеннейшим табу. По множеству других причин. Например, по тому, что я был ее недостоин – из-за моего происхождения, моего прошлого, моего шаткого статуса. И что хуже – она была дочерью моего начальника. Сурового, старого пожарного волка, от которого я еженедельно получал нагоняй за свои косяки. Петрович, или, как его все звали, – Батя, уволил бы меня в ту же секунду, как узнал, что я хотя бы посмотрел в ее сторону. Не то что думал о ней или представлял нас вместе.

А теперь...

На меня волной накатывает жар, когда я вспоминаю ее лицо и то, как она посмотрела на меня. Воинственно, презрительно. С холодным укором. *Значит, все еще ненавидит.* Все еще не простила.

Но ведь так даже лучше? Ненависть лучше безразличия. Из тлеющих горьких чувств еще можно разжечь пламя.

И вот я уже не могу думать ни о чем и ни о ком другом. Стоило ее увидеть, и все остальное стало неважным. И все прежние чувства снова обрели силу, словно все это время только и ждали сигнала.

Я прикладываю вспотевшие ладони ко лбу и шумно выдыхаю. Перед глазами картинками из прошлого стоят ее лукавый взгляд, звонкий смех, ее игривая, плавная поступь – изящная, словно у дикой кошки. Когда-то в прошлом из-за ловкости и смелости Евы я дразнил ее обезьянкой. Знал, как унижает и раздражает ее это сравнение. Но как еще я мог держать эту девчонку на расстоянии? Одно прикосновение, один поцелуй, и мы вместе упали бы в пропасть.

Теперь опасность миновала. Позади не дни, а годы. Ева, как видно, добилась того, о чем мечтала, – стала пожарным, делает карьеру. Она больше не глупая девчонка, она – молодая девушка, знающая себе цену, и у нее наверняка кто-то есть. А я? У меня ничего. Я все еще не простил себя за то, что отверг ее. Не смог нормально жить с этим дальше и никого так и не впустил в свое сердце.

– Ты опаздываешь, – сообщает Марина, когда я отвечаю на ее звонок.

– Уже подъехал, – отвечаю я и сбрасываю вызов.

А в голове так и стоит картина этого утра. Ева в грязной боевке – уставшая, вспотевшая и невозможно прекрасная. Мне хочется подойти, обнять, спросить, как ее дела, но вместо этого я просто киваю и затем ухожу, продолжая украдкой поглядывать в ее сторону.

И восхищаюсь.

В ней есть все то, что есть в любой другой, у нее обычные, непримечательные черты, но на ее лице они выглядят по-особенному. Никто так филигранно не сочетает в своей внешности силу и хрупкость, и ни одна девушка из всех, кого я знаю, не держится столь величественно и не смотрит на меня с таким вызовом, что по спине пробегает дрожь.

Я все еще вижу ее выпускницей в коротком зеленом сарафанчике, безупречно подчеркивающим зелень ее больших, красивых глаз. Любуюсь водопадом ее гладких, слегка волнистых темных волос, в которые она то и дело запускает пальцы, волнуясь. Скольжу взглядом по ее острым худым плечам и снова чувствую себя уязвимым и слабым. И это ощущение потрясает. *Пугает.* Да, она меня пугает, ведь я чувствую себя беззащитным перед очарованием Евы.

Я сглатываю и трясую головой, пытаюсь отогнать наваждение. Не особо помогает, так как видение всплывает вновь и вновь. Я закрываю машину и иду в ресторан. Марина жестом приглашает меня за дальний столик. Она как всегда безупречно выглядит: молочного цвета строгое платье, легкий шарфик, аккуратные серьги-гвоздики в ушах и капля изысканных духов, аромат которых я чувствую, приближаясь.

– Я заказала тебе пасту с морепродуктами и бокал вина, – сообщает она, едва коснувшись моих губ в коротком поцелуе.

– Спасибо, – благодарю я, натянув улыбку.

Пожалуй, предпочел бы сейчас отбивную, но ее забота мне приятна. К тому же мы редко видимся, и я ценю те моменты, когда Марина находит для нас время в своем плотном графике. Она – карьеристка и неудивительно, что выкладывается по полной на своей новой должности в мэрии. Я и сам постоянно занят на работе, хорошо, что нам вообще удастся увидеться пару раз в неделю.

– Как на службе?

Ее вопрос застает меня врасплох, вырывает из тягостных мыслей.

– Все нормально, ничего нового, – отвечаю я, глядя на руку Марины, которой она накрывает мою ладонь. – А у тебя?

Она начинает рассказывать, и я с трудом подавляю зевок. Нам приносят заказанные блюда, и меня накрывает облегчение: можно занять себя едой. Сейчас мы покончим с ужином, поедem к ней, она переоденется в шелковый халатик, я сниму его с нее и трахну ее на холодных и скользких шелковых простынях. Потом сошлюсь на то, что завтра тяжелый день, а мне рано вставать, пожелаю спокойной ночи и свалю, не дожидаясь, пока Марина начнет уговаривать меня остаться. Господи, как же все это теперь меня душит...

– Я нашла чудесную квартирку в центре, – вдруг говорит она. – Недалеко от мэрии, и полчаса до твоей части. Милый вид из окна, ремонт не очень, но чистенько. На первое время подойдет, а потом можно...

Марина не договаривает, потому что я мотаю головой. У меня это происходит почти инстинктивно.

– Что? – Ее глаза округляются.

– Прости, не буду ходить вокруг да около, – с трудом выдавливаю я. Мои руки начинают трястись от волнения и чувства вины. Мне трудно собраться с мыслями, но, видимо, так и бывает, когда ты вдруг осознаешь нелепость того, что еще вчера составляло обыденную картину твоего мира. – Марин, мы совершенно не подходим друг другу.

– В смысле? – Теперь ее голос звучит растерянно.

Я пытаюсь смотреть ей в глаза, но выдержать этот взгляд так же трудно, как лезвие гильотины на своей шее. Меня раздражает пополам. Мне жаль. Я сочувствую ей, но по-другому, кажется, поступить сейчас не могу.

– Нужно было давно тебе сказать, – произношу я, чувствуя себя настоящим чудовищем. – Не уверен, что мои чувства достаточно сильны. Тем более, чтобы съезжаться и жить вместе. Ты точно достойна большего.

– Ты что, предлагаешь мне... расстаться? – произносит она, хмурясь.

– Да, – мне тяжело даются эти слова. – Извини.

– С чего вдруг? – спрашивает Марина после паузы. На ее лице шок, непонимание, и это заставляет меня испытывать чувство вины размером с небоскреж. – Когда это ты понял, что мы не подходим друг другу?!

Выходит чуть громче, чем предполагают правила приличия. На нас оборачиваются гости ресторана, некоторые начинают перешептываться.

– Сегодня, – отвечаю я честно. – Прямо сейчас.

– Разве ты не... мы не... – Она опускает взгляд в стол и трясет головой.

Мне так хочется сказать что-то такое, что успокоит ее, но понимаю, что это бесполезно после того, как я только что самым подлым образом порушил ее планы и разбил ей сердце.

– Посуди сама, нам даже не о чем поговорить. – Мой голос звучит жалко.

Теперь Марина смотрит на меня во все глаза. Ее захлестывают эмоции. Несколько секунд проходит в смятении, затем она тихо произносит:

– Я думала, ты тоже хочешь создать семью.

– Да, – подтверждаю я, надеясь, что она разглядит в моих глазах сожаление и боль. – Но семью нужно создавать с тем, кого любишь, а я... не уверен...

– Это шутка? – Марина багровеет от злости.

И это лучше, чем если бы она заплакала. Но все равно приятного мало. Я никогда не говорил ей, что люблю ее, но, видимо, все же каким-то образом давал понять, что наши отношения довольно серьезны. И сейчас она на грани истерики.

– Не знаю, почему так, – выдавливаю я, пожав плечами. Вранье. Знаю, конечно. – Еще вчера я вроде мог представить, как мы покупаем дом и растим в нем наших детей. Таких же красивых и целеустремленных, как ты. Но больше не могу. Не получается, как ни стараюсь. – Мой голос дрожит. – Э... Дело не в тебе.

– Да? А, может, тогда в тебе? – Ноздри Марины раздуваются от гнева. Она перестает казаться мне миловидной. – Или, может, ты нашел себе кого-то?

– Нет, – заверяю я.

И это тоже не совсем правда. Просто прошлое так резко ворвалось сегодня в мою жизнь, что для настоящего в ней не остается больше места. И даже логика не может совладать с этим странным внутренним порывом.

– А впрочем, – восклицает Марина, вскочив из-за стола и швырнув в меня тканой салфеткой. – Мне все равно, из-за чего ты решил со мной порвать!

– Спасибо, – говорю я, и это злит ее еще сильнее.

Я не нарочно. Честно. Просто вырвалось.

– Хочу попросить только об одном, – цедит она через сомкнутые зубы, наклонившись ко мне через стол. – Не приходи, когда поймешь, что облажался! Понял? Забудь обо мне! Ты потерял меня. Больше такой девушки, как я, у тебя не будет! – Марина хватается сумочку, разворачивается и стремительно покидает зал. И только когда я изумленно выдыхаю, решив, что все позади, она возвращается, чтобы швырнуть в меня последнюю фразу. – Ты... – она замалчивается, но прижимает ладонь к груди, – ты ничтожество, Адамов! Понял? Полное ничтожество! Вот ты кто!

И пулей вылетает из зала.

Я беру бокал и под любопытные взгляды присутствующих выпиваю его залпом. Что ж, пора подвести итог вечера. Под воздействием неясных чувств я разрушил двухлетние отношения, которые плавно шли к совместной жизни, девушка, с которой я подумывал ее связать, меня теперь ненавидит, а ту, из-за которой у меня поехала крыша, я видел сегодня лишь мельком и вряд ли увижу вновь. Недурственно. Похоже, Марина права. Я – полное ничтожество и заслужил осуждение всех этих людей, которые не сводят с меня взгляды.

– За любовь, – говорю я с усмешкой, поднимая бокал Марины.

И выпиваю и ее вино тоже.

Глава 3. Ева

Линочка Ли – Попутный ветер

– Когда мне нужно обсудить мою личную жизнь, я иду к девчонкам. – Делаю последнюю попытку избежать неприятного разговора, но парни лишь рассаживаются удобнее и устремляют на меня внимательные взгляды.

– Мы должны знать, с чем имеем дело, – объясняет Артём и поворачивается к товарищам. – Просто представьте, из горящего здания выходит чувак, у него на руках полумертвый кот, и он начинает делать ему массаж сердца и искусственное дыхание! Уверен, кто-нибудь снимал на видео, и вечером мы увидим сюжет об этом в новостях, а Ева не хочет ничего нам рассказывать.

– Я даже приревновал, – соглашается с ним Илья, многократно кивая.

Я двигаю его локтем, он ржет.

– Адамов всегда любил производить впечатление, – вспоминаю я, сделав глоток кофе. – Геройствовал, игнорировал приказы, подвергал свою жизнь неоправданному риску. Это ужасно бесило Батю. Сколько помню, он регулярно отчитывал его у себя в кабинете. Орал так, что стены дрожали. Его запреты лезть в самое пекло действовали на Данилу как вызов: если отец приказывал ему держаться подальше от стены, это означало, что через мгновение он взберется вверх по балконам и спасет задыхающегося в дыму ребенка. И так каждый раз. «Нельзя» – значит «можно». Если бы Адамову не вручили медаль «За отвагу на пожаре», Батя уволил бы его: он так и собирался сделать за минуту до того, как позвонили из министерства.

– Отмороженный, – замечает Соло, качнув головой.

– Да, – киваю я. – Иметь дело с таким подчиненным – настоящий геморрой. Думаю, отец видел в нем потенциал, раз все время прощал и давал новые шансы.

– Но сегодня он был реально хорош! – встревает Илья.

– Он просто хотел привлечь внимание, – фыркаю я.

– Ну, мое он точно привлек!

– Я только одно не поняла, – произношу я, вдруг поймав себя на интересной мысли. – Адамов не из тех, кто любит просиживать штаны в кабинетах или сортировать пожарный мусор. Почему он променял боевые выезды на дознание? Чтобы потом лезть в огонь, когда его не просят?

– Значит, не дает он тебе покоя, да? – подначивает меня Илья, пихая локтем снова и снова.

– Может, после того случая в гостинице на набережной три года назад? – раздается чей-то голос.

Мы оборачиваемся. У выхода, навалившись на дверной косяк, стоит Никита Плахов. Один из тех ребят, с кем мы можем спорить до посинения, но все равно обожаем друг друга.

– Вспоминайте. Такое не забывается, – говорит он, дернув плечами. – Десять погибших, в том числе и трое пожарных. Обвалились перекрытия между этажами.

– Это были ребята из семьдесят первой части? – припоминает Лев, нахмурившись.

– Да, – киваю я. По моей спине пробегает холод. – Батя ездил на похороны. Некоторые из этих ребят работали под его руководством еще до того, как он вышел на пенсию.

Единственное, что меня тогда интересовало, был ли среди них Данила. Узнав, что он не пострадал, я испытала настоящее облегчение. Но на похороны с отцом не поехала, чтобы избежать встречи с ним.

– Они все из одного звена, – объясняет Никита, направляясь к нам. – Адамов – единственный, кто выжил.

Он делает себе кофе, а мы переглядываемся. Я чувствую, как кровь отливает от моего лица. Мне хотелось как можно меньше слышать о Даниле, но этот факт мне точно нужно было знать.

– Откуда ты знаешь? – поворачиваюсь я к Никите.

– Через общих знакомых, – отвечает он. – Плюс, мы сталкивались пару раз на выездах в прошлом году: командир просил дать ему разъяснения по тушению.

– Так он ушел из-за... трагедии?

Никита берет чашку с кофе и садится за стол напротив меня. Он пожимает плечами.

– Или из-за чувства вины. Ты ведь знаешь, как это бывает у выживших? Ты не понимаешь, почему товарищи погибли, а ты все еще здесь. – Никита усмехается. – Ну, или он реально прокосячился. Сама знаешь, нам лучше держаться рядом на задании. И если Адамов ослушался приказа... – он громко отхлебывает кофе, – лучше спроси у отца, он наверняка в курсе.

– Мне это неинтересно, – бросаю я, напустив на лицо безразличие. – Ушел и ушел из части. Наплевать. Все равно с его характером он вряд ли бы сделал там карьеру. Мог бы уже дослужиться до подполковника, если бы не перечил.

– Формально – да, Адамов больше не огнеборец, – улыбается Никита. И мне не нравится его улыбка. Я чувствую подвох и, как оказывается, не зря. – Но его кабинет все еще в семьдесят первой. А как вы все помните, восточное крыло нашей части в этом месяце вводят в эксплуатацию после отделки, и кто туда переедет?

Мое сердце как будто останавливается. Я вспоминаю слова начальника. Он что-то говорил об этом. Семнадцатая располагается в просторном современном комплексе, где часть совмещается с гаражом, диспетчерской, жилым сектором, спортзалом, учебными классами и... пустующим крылом, в которое после ремонта должны въехать пожарно-технические эксперты!

– Правильно, – кивает Никита. – Лаборатория, весь сектор судебных экспертиз и офис дознания. Туда уже готовятся ввозить новое оборудование и мебель. А испытательная «огневая» у них будет самая крутая в области.

– Так Адамов переезжает к нам? – оживает Артем, будто он его преданный фанат.

Похоже, попал под обаяние этого мерзавца. Впрочем, я такое видела уже не раз. Данила умеет производить впечатление на людей. Особенно молодых и не столь искушенных.

– Надеюсь, у них будет своя столовая, – бормочу я, облизнув пересохшие от волнения губы.

– Насчет этого не знаю, – улыбается Никита.

Ему будто нравится видеть мучения, написанные на моем лице. Будь он менее пронзительным и наблюдательным, наша дружба была бы крепче.

– Так ты из-за него пошла в пожарные? – добивает он меня ехидной усмешкой. – Или из-за отца?

– Да почему мне никто не верит, что я действительно хотела стать пожарным, чтобы помогать людям? – восклицаю я возмущенно.

– Но ты сказала... – начинает Артем, и мне приходится ударить его по колену.

– Да. Бесячие слова Адамова про то, что мне не место в этой профессии, сработали как триггер! Я захотела доказать, что он ошибается, что тут плохого? Но служба в части с юности была моей мечтой. И для меня нет ничего важнее этой работы! – говорю я с жаром. – И к черту тех, кто не согласен! – ловлю на себе взгляд Никиты. – И тебя к черту, Плахов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.